

**Салтыков-Щедрин Михаил
Евграфович**

**Новые сказки для детей
изрядного возраста**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Евграфович С.**
Новые сказки для детей изрядного возраста / Салтыков-Щедрин Михаил Ев-
графович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 38 с.

ISBN 978-5-519-84510-6

ISBN 978-5-519-84510-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

дали, колесики-то въ машинѣ и попортились. И водворились на свѣтѣ слезы, ссора и скорбь. А вы вотъ что сдѣлайте: обратитесь къ первоначальному источнику, можетъ быть въ чемъ нибудь и сойдется“. Сказавъ это, и пошелъ путемъ — дорогой въ казначейство, подать вносить. Подѣйствовали ли на сражающихся Иванушкины слова, или пороку для продолженія битвы не достало, только вложили бойцы мечи въ ножны и задумались.

„Хорошо ему про свойства говорить, первое молвило Смиренномудріе: — мы и сами не хуже его эти свойства знаемъ. Да вотъ одни свойства въ бархатѣ шеголяютъ и на золотѣ ѣдятъ, другія въ затрапезьи ходятъ да по цѣлымъ днямъ не ѣвши сидятъ. Иванушѣ-то съ пола-горя; онъ набилъ мамонъ мякиной, и правъ, а насъ вѣдь на мякинѣ не проведешь, тоже знаемъ гдѣ раки зимуютъ!—

„Да и что за „свойства“ такія проявились! встревожилось Благочиніе: — нѣтъ ли тутъ штуки какой: все были добродѣтели, были и пороки; сотни тысячъ лѣтъ это дѣло ведется, сотни тысячъ томовъ объ этомъ написали, а онъ, —натко!— сразу рѣшилъ: „свойства“. Нѣтъ, ты попробуй приступить къ этимъ сотнямъ тысячъ томовъ, такъ и увидишь какая отъ нихъ пыль столбомъ полетитъ! Судили, рядили, и наконецъ порѣшили. Благочиніе правду сказало. Сколько тысячъ вѣковъ добродѣтели числились добродѣтелями, пороки пороками; сколько тысячъ книгъ объ этомъ написано, какая масса бумаги и чернилъ изведена. Добродѣтели всегда одесную стояли, пороки опую, и вдругъ, по дурацкому Иванушкиному слову, отъ всего отложись и назовись какими то „свойствами!“ Вѣдь это почти уже отъ правъ состоянія отказаться и человѣкомъ назваться! Просто-то оно, конечно, просто, да вѣдь иная простота хуже воровства. Поди-тка спроста-то коснись, а

инъ съ перваго же шага въ такое несмѣтное количество капкановъ попадешь, что и голову тамъ пожалуй оставишь. Нѣтъ, объ свойствахъ думать нечего, а вотъ компромиссъ какой съискать, или, какъ по русски зовется, фортель, — это, пожалуй, дѣльно будетъ; такой фортель, который бы и добродѣтели возвеличилъ, да и порокамъ по праву бы пришелся, потому что вѣдь и порокамъ подчасъ жутко приходится. Вотъ намереніе Любострастіе съ поличнымъ въ банѣ поймали, протоколъ составили, да въ ту же ночь Прелюбодѣніе въ одномъ бельѣ по лѣстницѣ спустили. Вольномысліе-то давно ли пышными цвѣтами цвѣло, а теперь его съ корнемъ вырвали! Стало быть и порокамъ на фортель пойти не безвыгодно. Милостивые государи! Милостивые Государи, не угодно, ли кому предложить, у кого, напримѣръ, средствца есть? На вызовъ этотъ прежде всѣхъ выступилъ древній старичекъ, Опытномъ называемый, (есть два опыта, одинъ порочный, а другой добродѣтельный, такъ этотъ добродѣтельный былъ), и предложилъ онъ штуку: „отыщите говорить такое сокровище, которое и добродѣтели бы уважали, да и отъ пороковъ было бы непрочь, и пошлите его парламентаромъ во вражескій лагерь. Стали искать, и, — разумѣется, нашли, — нашли двухъ бобылевъ: Умѣренность и Аккуратность. Обѣ на заводахъ въ добродѣтельныхъ селеніяхъ проживали, сиротскій надѣлъ держали, торговали корчемнымъ виномъ и потихоньку порока у себя принимали. Однако первый блинъ былъ комомъ. Бобылки были и мало представительны, и слишкомъ податливы, чтобы выносить возложенную на нихъ задачу. Едва появились они въ лагерь Пороковъ, едва начали канитель разводить: „по маленьку-то покойнѣе, и потихоньку — вѣрнѣе“, какъ Пороки всѣмъ скопомъ загладѣли: „давно вы съ ни-

ми около насъ похаживаете, да не въ коня кормъ! Уходите съ богомъ, бобылки, не проѣдайтесь!“ И какъ бы для того, чтобы доказать добродѣтелямъ, что ихъ на кривой не объѣдешь, на всю ночь закатали въ Самаркандъ, а подъ утро, расходясь оттуда, поймали Воздержаніе и Непрелюбысотвореніе и поступили съ ними до такой степени строго, что даже татары изъ Самарканда дивились — хорошіе господа, а что дѣлають! Поняли тогда Добродѣтели, что дѣло серьезно, и надо за него настоящимъ образомъ приняться. Произошло въ ту пору между ними существо средняго рода: ни баба ни ракъ, ни курица ни птица, ни дама ни кавалеръ, а всего понемногу. Произросло, выровнилось и разцвѣло. И было этому межеумку имя тоже средняго рода: Лицемѣріе... Все въ этомъ существѣ было загадкою, начиная съ происхожденія. Сказывали старожилы, что однажды Смиреніе съ Любострастіемъ въ темномъ корридорѣ спознались, и отъ этого произошелъ плодъ. Плодъ этотъ Добродѣтели сообща выкормили и выпили, а потомъ и въ пансіонъ къ французанкѣ Комильфо отдали. Догадку эту подтверждалъ и наружный видъ Лицемѣрія, потому что, хотя оно и ходило не иначе какъ съ опущенными глазами, но прозорливцы не разъ замѣчали, что по лицу его частенько пробѣгаютъ любострастные тѣни, а поясница при случаѣ даже очень не хорошо вздрагиваетъ. Несомнѣнно, что въ этомъ наружномъ двоегласіи въ значительной мѣрѣ виноватъ былъ и пансіонъ Комильфо. Тамъ лицемѣріе всѣмъ главнымъ наукамъ научилось: и какъ „подходить“, и какъ „безъ масла въ душу влѣзть“, словомъ сказать, всему, что добродѣтельное житіе обезпечиваетъ. Но въ то же время оно не избѣгло вліянія канкана, которымъ и стѣны, и воздухъ пансіона были пропитаны. Да, кромѣ того, то же Комильфо еще и тѣмъ подга-

дило, что сообщило Лицемѣрію подробности объ его родителяхъ; объ отцѣ (Любострастіи) созналось, что онъ былъ мове-тонъ и дерзкій, ко всѣмъ щипаться лѣзъ! О матери (Смирении) что она, хотя не имѣла блестящей наружности, но такъ мило выкрикивала, когда ее изгнали, что даже нерасположенные къ изгнанію Пороки (каковы Мздоимство, Любоначалие, Уныніе и пр.), и тѣ не могли отказать себѣ въ этомъ удовольствіи. Вотъ это-то среднее существо, глаза долу опускавшее, и выбрали Добродѣтели, чтобы войти въ переговоры съ Пороками и такой общій *modus vivendi* изобрѣсти, при которомъ и тѣмъ и другимъ было бы жить вольготно.

„Да ты по нашему-то умѣешь ли?“ вздумали было предварительно проэкзаменовать его галантерейное образованіе. „Я-то, изумилось Лицемѣріе:—да я вотъ какъ“... И не успѣли Добродѣтели опомниться, какъ у Лицемѣрія ужъ и глазки опущены, и руки на груди сложены, и румянчикъ на щекахъ играетъ. Дѣвица да и шабанъ! Ишь дошло! — „Ну, а по ихнему, по порочному... какъ?“ Но Лицемѣріе даже не отвѣтило на этотъ вопросъ. Въ одинъ моментъ оно учинило пѣчто неясственное, невидимое, но до такой степени достовѣрное, что Прозорлиовость только сѣлюнула—тѣфу! И за тѣмъ всѣ одинаково рѣшили: написать у нотариуса довѣренность для хожденія по всѣмъ добродѣтельскимъ дѣламъ и вручили ее Лицемѣрію. Взялся за гушъ, не говори что не дюшъ. Какъ ни горько, а пришлось у Пороковъ пARDону просить. Идетъ Лицемѣріе въ ихній подлый вертепъ и отъ стыда не знаетъ куда глаза дѣвать. „Вездѣ то это паскудство развелось“, жалуется оно вслухъ, а мысленно прибавляетъ: „ахъ! хорошо Пороки живутъ!“

И точно не успѣло Лицемѣріе съ версту отъ Добродѣ-

тельской резиденціи отойти, какъ уже со всѣхъ сторонъ на него разлитымъ моремъ пахнуло: смѣхи, да пляски, да игры, стонъ стоитъ отъ веселья. И городъ какой отмѣнный Пороки для себя выстроили: просторный, свѣтлый, съ улицами, переулками, площадями и бульварами. Вотъ улица Лжесвидѣтельства, а вотъ Срамной бульваръ; самъ отецъ Лжи сдѣсь сидѣлъ и клеветой распивочно и навывнось торговалъ. Но какъ ни весело жили Пороки, какъ ни опыты они были въ разныхъ канальскихъ дѣлахъ, а увидавши Лицемѣріе, они ахнули. Съ виду, ни дать ни взять сущая дѣвица, но точно-ли сущая, это самъ чертъ не разберетъ. Даже отецъ Лжи, который думалъ что нѣтъ въ мірѣ той подлости, которой бы онъ не произвелъ, и тотъ глаза вытаращилъ.— „Ну, говорить, это я о себѣ напрасно. Я — что?! Вотъ онъ, настоящій-то ядъ гдѣ! Я больше нахальствомъ норовлю, оттого меня отъ времени до времени съ лѣстницы въ три шеи спускаютъ, а это сокровище какъ прильнетъ, отъ него уже не отвернешься! Такъ тебя опутаетъ, такъ окружитъ, что покуда всѣ соки не вызудить, не выпустить!“ Тѣмъ неменѣе, какъ ни великъ былъ энтузіазмъ, возбужденный Лицемѣріемъ, однако и тутъ безъ розни не обошлось. Пороки солидные, аборигены, паче всего дорожившіе преданіями старины, какъ напр. Суемудріе, Пустомысліе, Гордость, Человѣконенавистничество и пр. не только сами не пошли на встрѣчу Лицемѣрію, но и другихъ остерегали. „Истинный Порокъ не нуждается въ прикрытіи, говорили они, но самъ свое знамя высоко и гордо держитъ. Что существенно новаго можетъ открыть намъ Лицемѣріе, чего бы отъ начала вѣковъ мы не практиковали? Положительно ничего. Напротивъ, оно научаетъ насъ опаснымъ изворотамъ и заставитъ насъ ежели не прямо стыдиться, самихъ себя, то во всякомъ

случаѣ показывать видъ, что мы стыдимся. *Caveant consules!* Хотя до сихъ поръ у насъ было достаточно твердыхъ послѣдователей, но вѣдь и они, видя наши извороты, могутъ сказать: должно быть и впрямь! Порокамъ туго пришлось, когда они сами отъ себя отрицаться должны!“

Такъ говорили замоторѣлые Пороки-Катоны, не признававшіе никакихъ новыхъ вѣяній, ни обольщеній, ни обстановки. Родившись на навозѣ, они предпочитали задыхаться въ немъ, лишь бы не отступать отъ староотческихъ преданій. За ними шла другая категорія Пороковъ, которые не выказывали большого энтузіазма при встрѣчѣ съ Лицемѣремъ, но не потому однако, чтобы послѣднее претило имъ, а потому что они уже и безъ посредства Лицемѣря состояли въ секретныхъ сношеніяхъ съ Добродѣтелями. Сюда принадлежали: Измѣна, Вѣроломство, Предательство, Ябеда и пр. Они не разразились криками торжества, не рукоплескали, не предлагали здравицъ, а только подмигнули глазомъ: милости молъ просимъ. Какъ бы то ни было, а торжество Лицемѣря было обезпечено. Молодежь, въ лицѣ Прелюбодѣнія, Пьянства, Объяденія, Распутства, Мордобитія и пр. сразу собрала сходку и встрѣтила парламентаря такими оваціями, что Суемудріе тутъ же нашлось вынужденнымъ прекратить свою воркотню навсегда. „Вы только мутите всѣхъ, старые пакостники! кричала старикамъ молодежь: —мы жить хотимъ, а вы уныніе наводите! Мы въ христоматію попадемъ, въ салонѣ блистать будемъ, насъ старушки любить будутъ! Словомъ сказать, почва для соглашенія была найдена сразу, такъ что когда Лицемѣрие, возвратившись во-свои, отдало отчетъ Добродѣтелямъ о своей миссіи, то было единогласно признано, что всякій поводъ для существованія раздора Добродѣтелей и Пороковъ, какъ отдѣльныхъ и враждебныхъ другъ

другу группъ, устраненъ навсегда. Тѣмъ менѣе старую номенклатуру упразднить сразу не рѣшались: почему знать, можетъ быть и опять понадобится? Но положили употреблять ее съ такимъ расчетомъ, чтобы всѣмъ было видно, что она прикрываетъ собою только одинъ прахъ. Съ тѣхъ поръ пошло между Добродѣтелями и Пороками гостепріимство великое. Захочетъ Распутство побывать въ гостяхъ у Воздержанія, возьметъ подъ руку Лицемеріе, и Воздержаніе, уже издали завидѣвъ ихъ, привѣтствуетъ: милости просимъ! Покорно прошу! У насъ про васъ...! И наоборотъ, захочетъ Воздержаніе у Распутства постынькимъ полакомиться, возьметъ подъ руку Лицемеріе, а у Распутства и двери всѣ настежь. „Милости просимъ! Покорно прошу! У насъ про васъ...!“ Въ постные дни постынькимъ подчуютъ, въ скоромные скоромненькимъ. Одной рукой крестное знаменіе творятъ, другой неистовствуютъ. Одно око горѣ возводить, другимъ безпрестанно воздѣваютъ. Впервые Добродѣтели сладость узнали, да и Пороки не остались въ убыткѣ. Напротивъ, сами говорятъ: „никогда у насъ такихъ лакомствъ не было, какими теперь походя жуируемъ!

А Иванушка дурачекъ и о сю пору не можетъ понять: отчего Добродѣтеля и Пороки такъ охотно помирились на Лицемеріи, тогда какъ гораздо естественнѣе было бы сойтись на томъ, что тѣ и другія суть „свойства“, только и всего.

МЕДВѢДЬ НА ВОЕВОДСТВѢ.

Злодѣйства крупныя и серьезныя перѣдко именуются блестящими и, въ качествѣ таковыхъ, вносятся въ скрижали Исторіи. Злодѣйства же малыя и шуточные не только Исторію въ заблужденіе не вводятъ, но и отъ современниковъ не получаютъ похвалы.

ТОПТЫГИНЪ I.

Топтыгинъ I отлично это понималъ. Былъ онъ старый служака-звѣрь, умѣлъ берлоги строить и деревья съ корнями выворачивать, слѣдовательно и до нѣкоторой степени инженерное искусство зналъ. Но самое драгоцѣнное его качество заключалось въ томъ, что онъ во что бы то ни стало на скрижали Исторіи попасть желалъ, и ради этого всему на свѣтѣ предпочиталъ кровопролитіе; такъ что о чемъ бы съ нимъ не заговорили: о торговлѣ-ли, о промышленности-ли, о наукахъ-ли, онъ все на одно поворачивалъ: „Кровопролитіе, кровопролитіе, вотъ что нужно!“ за это Левъ произвелъ его въ маіорскій чинъ и послалъ въ дальній лѣсъ, въ родѣ какъ бы воеводой, внутреннихъ супостатовъ умирять. Узнала мѣстная челядь, что маіоръ къ нимъ въ лѣсъ ѣдетъ, и задумалась. Такая въ ту пору

вольница между мѣстными мужиками шла, что всякій по своему норовиль: звѣри рыскали, птицы летали, наѣкомыя ползали, а въ ногу никто маршировать не хотѣлъ. Поняли мужики, что ихъ за это не похвалятъ, но сами собою остепениться уже не могли. „Вотъ ужъ пріѣдетъ маіоръ, говорили они, — засыплеть онъ намъ, тогда мы и узнаемъ какъ Кузькину тещу зовутъ!“

И точно, не успѣли мужики оглянуться, какъ Топтыгинъ ужъ тутъ какъ тутъ. Прибылъ онъ на воеводство въ самый Михайловъ день и сейчасъ же рѣшилъ: быть завтра же кровопролитію. Что заставило его принять такое рѣшеніе — неизвѣстно, ибо онъ, собственно говоря, не былъ золъ, а такъ—скотинна. И непремѣнно бы онъ свой планъ выполнилъ, если бы лукавый его не попуталъ. Дѣло въ томъ, что задумалъ Топтыгинъ свои именины отпраздновать, купилъ ведро водки и напился пьянъ. А такъ какъ берлоги онъ для себя еще не выстроилъ, то пришлось ему пьяному среди полянки спать лечь. Улегся и захрапѣлъ, а подъ утро, какъ на грѣхъ, случилось мимо той полянки летѣть Чижику. Особенный это былъ Чижикиъ, умный: и ведро таскать умѣлъ, и спѣть по нуждѣ за Канарейку могъ. Всѣ птицы, глядя на него, радовались, говорили: „увидите что нашъ Чижикиъ современемъ поноску носить будетъ“, Даже до Льва объ его умѣ слухъ дошелъ и не разъ Онъ Ослу говорилъ (Оселъ у него въ ту пору въ совѣтахъ за мудреца слылъ): „хоть и однимъ бы ухомъ послушалъ, какъ Чижикиъ у меня въ когтяхъ пѣть будетъ“. Но какъ ни уменъ былъ Чижикиъ, а тутъ не догадался. Думалъ, что гнилой чурбанъ на полянкѣ валяется, сѣлъ на Медвѣдя и запѣлъ. А у Топтыгина слухъ тонокъ; чуетъ онъ, что на тушѣ у него кто-то прыгаетъ и думаетъ: „безпремѣнно это долженъ быть внутренній супостатъ“. —

„Кто тамъ бездѣльнымъ обычаемъ по воеводской тушѣ прыгаетъ?“ рявкнулъ онъ наконецъ. Улетѣть бы Чижику надо, а онъ и тутъ не догадался. Сидитъ себѣ да дивится: чурбанъ заговорилъ! Ну, натурально, маіоръ не стерпѣлъ, сгрѣбъ грубіана въ лапы, да не разсмотрѣвши съ похмеля и съѣлъ.

Съѣсть то онъ его съѣлъ, да сѣѣвши спохватился, — „что такое съѣлъ? И какой же это супостатъ, отъ котораго даже на зубахъ ничего не осталось?“ Думалъ, думалъ, да ничего, скотина, не выдумалъ. Съѣлъ—только и всего. И никакимъ родомъ этого глупаго дѣла поправить нельзя, потому что, если даже самую невинную птицу сожрать, то и она точно также въ маіорскомъ брюхѣ сгниетъ, какъ и самая преступная. „Зачѣмъ я его съѣлъ? допрашивалъ самъ себя Топтыгинъ: меня Левъ сюда для кровопролитія послалъ, а я Чижику слопать вздумалъ. Ну, да ничего! Первый блинъ всегда комомъ. Хорошо что по раннему времени никто дурачества моего не видалъ“. Увы! не зналъ видно Топтыгинъ, что въ средѣ административной дѣятельности первыя ошибки и суть самыя фатальныя, что давши съ самаго начала административному бѣгу направленіе вкось, оно въ послѣдствіи все больше и больше будетъ отклоняться отъ прямой линіи. И точно, не успѣлъ онъ успокоиться на мысли, что никто его дурачества не видѣлъ, какъ слышитъ, что Скворецъ ему съ сосѣдней березы кричитъ: „Дуракъ! его просили къ одному знаменателю насъ приводить, а онъ Чижику съѣлъ!“ Взбѣленился маіоръ, полезъ за Скворцомъ на березу, а Скворецъ, не будь глупъ, на другую перепорхнулъ, Медвѣдь на другую, а Скворецъ опять на первую. Лазилъ, лазилъ—мочинѣтъ измучился. А глядя на Скворца, и Ворона осмѣлилась: „Вотъ, молъ, скотина! Добрыя